

Иван Аксаков

**Ответ на рукописную статью  
«Христианство и прогресс»**



Иван Сергеевич Аксаков

## Ответ на рукописную статью «Христианство и прогресс»

«Я прочел внимательно вашу рукопись, многоуважаемый NN. Она – замечательный симптом времени сама по себе, отражая как в зеркале движение мысли, вопросы, задачи, насущные потребности и мучительные боли нашей поры. Она замечательна и тем, что ищет разрешения и выхода из современного состояния не на отрицательном только, но и на положительном пути, пытается навстречу потоку разрушительных учений противопоставить живую силу зиждительного учения Христа, – помирить, отождествить христианство со столь привлекательными для современного общества „прогрессом“ и „либерализмом“...»

**Иван Сергеевич Аксаков  
Ответ на рукописную статью  
«Христианство и прогресс»,  
присланную в редакцию  
газеты «Русь»**

Я прочел внимательно вашу рукопись, мно-  
гоуважаемый NN. Она – замечательный  
симптом времени сама по себе, отражая как в  
зеркале движение мысли, вопросы, задачи,  
насущенные потребности и мучительные боли  
нашей поры. Она замечательна и тем, что  
ищет разрешения и выхода из современного  
состояния не на отрицательном только, но и  
на положительном пути, пытается навстречу  
поток разрушительных учений противоп-  
оставить живую силу зиждительного учения  
Христа, – помирить, отождествить христиан-  
ство со столь привлекательными для совре-  
менного общества «прогрессом» и «либера-  
лизмом».

Всякая работа мысли в этом направлении  
почтенна, особенно же такая работа, которая  
сопряжена с некоторым самопожертвовани-  
ем для мыслителя, то есть представляет, в  
случае оглашения его мнений, опасность для  
его материального благополучия. Но именно  
вследствие такого высокого нравственного  
значения вашего труда и тем более вслед-  
ствие важности самого содержания, самой за-  
дачи, я чувствую себя обязанным высказать

вам свои замечания и возражения с полной откровенностью. Но тут-то и затруднение. Если бы мы вели устную беседу, то я разобрал бы ваше сочинение постранично, отметил бы каждый ваш штрих, по моему мнению неверный. Этого нельзя сделать на письме и мне приходится указать вам только главные пункты нашего разногласия и сообщить несколько общих замечаний.

Прежде всего о заглавии: «Христианство и прогресс». Слово *прогресс* само по себе ничего не выражает; ведь мы говорим: «прогресс добра и прогресс зла, прогресс болезни». Положим, вы принимаете его в общеупотребительном смысле, как *движение человеческого сознания вперед*. Но в том-то и дело, что это только *движение* и движение *не останавливающееся*. Если даже признать, что это движение к истине, то ведь оно в человеческом сознании совершается, как известно, чрез всевозможные темные закоулки, горьким опытом лжи и заблуждений, так что захваченный в данный момент на пути своем прогресс вовсе не служит выражением истины. Например, современный прогресс в науке доказыва-

ет, что человек произошел от обезьяны, завтра та же наука, двигаясь вперед, докажет, что это «последнее слово науки» – вздор, и выскажет новое «последнее слово» и т. д. Между тем, противопоставляя современный *прогресс* настоящему состоянию церкви и христианства, представляя прогресс какую-то благою самостоятельную силою, далеко опередившею современное христианство, силою, с которой приходится считаться и за которой приходится бежать вдогонку, отводя такое высокое и почетное место прогрессу, вы, мне кажется, недовольно оттеняете существенную сторону современного «прогресса», *безверие* в Бога рядом с проповедью о *гуманности*.

Слово *прогресс* в нашей либеральной печати иначе и не понимается как в смысле противоположения *вере*. Но понятый в *этом* смысле прогресс в сущности ведет только к *регрессу*. В истинный прогресс, по моему мнению, отделяется *лишь то, что согласно с истиною христианства*. Цивилизация, отвергающая веру в Бога и Христа, ведет к *одичанию*, какие бы там либеральные и прогрессивные знамена ни выкидывала. Полагаю, что это и

ваше мнение, но так как оно не выражено довольно отчетливо и резко, то впечатление выходит смутное. Правда, основная мысль вашей статьи в том, что для отнятия у прогресса его революционного, разрушительного характера, нужно поспешить с возвратом церкви к истинным началам христианства, которые все вы сосредоточиваете в одной заповеди Христовой *о любви к ближним*. Вы поэтому требуете, чтобы церковь, оставя отвлеченную догматику, учения, наставления и проповеди, перешла поскорее к практическому осуществлению заповеди о любви, посредством устройства на новых началах семьи и общины и, так сказать, *приспособила* (ваше выражение) свой *механизм* (?) к общему механизму государств и обществ, принявших в основу начала, выставленные прогрессом (равенства, свободы, братства). Поневоле возникает сомнение: не слишком ли тесно понимаете вы значение заповеди о *любви к ближним*, которую Христос ставит нераздельно от *любви к Богу*. Без этой последней мы получим только «гуманность», выдвинутую прогрессом, а гуманность прогресса и Христова лю-

бовь к ближним – не одно и то же, и конечные результаты их совершенно противоположны. Впрочем я еще возвращусь к этому предмету ниже, о нем следует потолковать попространнее. Я несколько забежал вперед и хотел лишь предложить вам, в вашем собственном интересе, переменить заглавие, тем более, что слово *прогресс*, без точного определения его смысла, отдельно взятое, очень опошлено и затаскано нашей литературой и обиходною речью. В нашем обществе существует даже своего рода «страх ради прогресса» и желательно, чтобы с первых же строк вашей статьи никто не мог заподозрить вас в таком страхе.

Если вы согласны разуметь под прогрессом только движение христианского сознания и развитие в жизни человечества христианских начал, то не правильнее ли было бы поставить в заглавии: «Церковь и христианский прогресс»? Тут заключалась бы целая постановка вопроса о внешней *неподвижности* церкви параллельно с движением христианского сознания, с развитием христианского миросозерцания в людях. Правда, такое загла-

вие потребовало бы соответственной перестройки целой статьи. А перестроить ее необходимо, по моему убеждению; не знаю, удастся ли мне это вам доказать, но постараюсь, насколько сумею. Повторяю опять: было бы, конечно, в высшей степени полезно вразумить всех, группирующихся под знамя прогресса и либерализма, что христианство не только не враждебно работе искренней науки и возвышенным стремлениям либеральным, но только оно одно заключает в себе таинство свободы, оно одно растит семя истинного равенства и братства. Нужно вырвать у либерального неверия это знамя, знамя свободы, равенства и братства, и водрузить его на почве *веры* и *любви* Христовой, на почве нравственности христианской. Это было бы большой заслугой в литературе и самой действительной защитой религии. Но необходимо устранить всякое недоразумение, провести резкую черту между христианским идеалом и идеалом современных либералов и прогрессистов. Всякое смешение тут, всякое недоразумение тут *вредно*. И ваша статья не довольно резко устанавливает это различие. Вы, на-

пример, беспрестанно упоминаете девиз французской революции: *liberte, egalite, fraternite*, называя их евангельскими принципами, церковь пренебреженными и усвоенными себе современным прогрессом и современными правительствами. Без сомнения, эти принципы евангельские, Евангелием внесенные в сознание человеческое, особенно же идея *братства*, которой вовсе не ведал языческий мир. Но целая бездна лежит между этими принципами в связи с верою во Христа и ими же оголенными от всякой веры, понятиями *вне* христианского мирозерцания. Если извлечь из этих принципов веру в Бога, очистить от всякой догмы или «отвлеченной теории», как вы выражаетесь, то эти принципы логически приведут к абсурду.

Так, идея *равенства*, понятая чисто внешним образом, логически развиваемая вне идеи Бога, не может остановиться на равноправности перед законом, на уничтожении привилегий: она выставит знамя бунта против неравенства состояний и Божьих даров, потребует уравниения ленивого с прилежным, бездарного с даровитым, невежды с ученым и

в вечном протесте против природы и Бога – убьет самую жизнь, ни к чему не приведет, кроме смерти и разрушения. А знаменитое *fraternite*, выставленное на знамени французской революции, запретившей декретом исповедание бытия Божия, не есть ли само по себе логическая нелепость? Ибо *братство* предполагает *сыновство* и без сыновства, без понятия об общем отце, немислимо. Люди только потому и братья, что дети одного отца, и если мы не сыны Божий, то нет и братства. Евангелие не употребляет слова *равенство*, да и нет в том надобности, потому что идея братства не только включает ее в себе, но и *выше ее*, ибо восполняет любовью всякую неравномерность как искусственную, так и естественную. Все это, конечно, вам известно, но не довольно звучно звучит в вашей статье, в которой вообще все внимание обращено на внешнюю, практическую сторону христианства, где грань между христианством и прогрессом переступить очень легко.

Прежде чем перейти к рассмотрению ваших мнений в их существе, позвольте мне сделать вам замечание относительно *тона*.

Пусть ваши мнения расходятся с учением церкви, если таковы ваши искренние убеждения и вы, любя истину выше всего, решаетесь высказать их, я могу только с уважением преклониться пред такую решимость, хотя бы и не разделял ваших убеждений. Вероятно, так отнеслись бы к вам и прочие читатели. Но вы не ограничиваетесь критикой, не ограничиваетесь даже иронией и пренебрежением. Вы надсмехаетесь и издеваетесь над тем, что в течение 15 веков составляло, составляет и теперь предмет искреннего почитания сотен миллионов людей: я разумею учителей церкви, составивших на вселенских соборах канонические уставы и положивших в основание церкви, по вашим словам, монашеское мирозерцание. Не на злоупотребления только, допущенные в церковное управление, не на злоупотребления в монашестве нападаете вы, но на самый принцип, руководившей церковью с IV века и до наших дней, на «святых отцов», участвовавших в соборах, как величает их церковь, и которых вы обзываете в насмешку *гениальными инженерами, поставившими церковь в несколько странное положение*

*ние: вне действительной жизни своей паствы.* Выходит, по вашим словам, что слона-то они и не заметили! Не говоря уже о том, что прежде чем бросать укор в память их и в лицо всей современной церковной пастве, следовало бы, кажется, немножко призадуматься над фактом, поразмыслить – точно ли они, люди все же неглупые, не заметили того, что вами так легко примечено, да не мешало бы, кстати, и вам самим справиться с *действительною жизнью вашей паствы* и не оскорблять ее чувство, без всякой надобности, подобными выражениями. Не говоря уже об этом, полагаю, что ни к какому крупному историческому явлению не следует относиться с насмешкою; по крайней мере такое отношение недостойно серьезного мыслителя. Если бы ваша статья была напечатана, то многое, что в ней есть прекрасного, полезного и дельного – было бы заслонено, затерто впечатлением, производимым тоном вашей полемики. Но она и не может быть напечатана. В этом виде не только не пропустит ее никакая церковная власть, но и сама церковная паства, если бы от нее зависела цензура.

Вся ваша статья есть проповедь о необходимости практического осуществления заповеди Христовой о любви к ближним и о применении ее к социальному быту, и вы сами начинаете тем, что оскорбляете чувство ближних глумлением над тем, что для них всего дороже и святее! К тому же в этом тоне, в этих выражениях нет ни малейшей надобности. Вы возразите мне, что все равно ваша статья и по существу своему расходится с существующим церковным воззрением, а потому не миновала бы запрещения. Но она бы выиграла во внутреннем достоинстве, в приличии, не подвергла бы вас упреку в легкомыслии или раздражении. Простите, что выражаюсь так резко. Я очень хорошо понимаю, что советовать со стороны очень нетрудно, что ваше положение иное, что много накипело у вас справедливого негодования на ту вошедшую в церковь мерзость запустения, которая вам виднее, чем мне, но в интересах ваших личных, в интересах самого дела, которое вы защищаете, вы должны встать выше всякого раздражения, всякой страсти.

Постараюсь теперь резюмировать, во

сколько можно кратче и вашими же выражениями, схему и содержание вашего объемистого труда (150 стр. мелкого письма).

Учение Христа сводится главным образом к одной заповеди – о любви к ближним. Он сам «исполнял свою заповедь *практически*», «везде учил, ободрял несчастных, исцелял больных», пожертвовал для ближних жизнью и таким образом оставил нам образ, как поступать. Апостолы, приняв новый завет, *практически стали его осуществлять*. Этот завет есть «идеал благоустройства общины, способный возратить людям утраченный ими земной рай». Апостолы всюду устраивали общины, в которых верующие, собираясь вместе для молитвы, решали и дела, «касающиеся общественного благоустройства», в которых царствовало «равенство, братство, солидарность интересов, взаимная поддержка». «По основной идее христианства священнейшая, главная задача церкви – устраивать общины на этих началах». Этим практическим применением к жизни Нового Завета Христова, по образцу Христа и апостолов, объясняется успех христианства. Ибо «христианские дог-

маты слишком мало могли быть понятны язычникам, как мало понятны и теперь современным христианам, но каждый видел и хорошо понимал, что христианство вносит с собою начала нового лучшего устройства *социального быта*. Язычество вынуждено было уступить.

Но с торжеством христианства совершается «необыкновенное явление». «Христианство теряет свою жизненную силу». Причина зла в том, что «выработалось убеждение, что спасение возможно и без практического применения к жизни новой заповеди Спасителя». Религиозные формы и обрядность заменили собою миссионерство и благотворительность. «Этот коренной переворот совершен монашеством». «Из него вышли пастыри и учителя церкви; оно создало все церковные уставы, кодексы нравственных правил и канонических постановлений». «Мы и в настоящее время обязаны смотреть на религию исключительно с монашеской точки зрения, которая считается безусловно совершенною и непогрешимою, ибо так признано лучшими церковными авторитетами и утверждено *кано-*

нически». Взгляд же этот или «принцип – следующий: провались хотя весь мир, только бы я был спасен». «Монашество есть отрицание ближних». «Для исполнения заповеди Христа о любви – необходимо жить в мире, в обществе людей; иначе она не более как прекрасная фраза». «Монашество ушло в пустыни и монастыри для исключительной заботливости о собственном я». Вместо борьбы со злом, для получения вечного спасения, монашество отвергло необходимость и пользу борьбы и предпочло удаляться от зла и поставило необходимым условием вечного спасения: забвение о ближних, исключительную заботу о себе, молитву, измождение плоти, что для последователей первых отшельников, ввиду удобства, было регламентировано точными правилами. Эти два пути – путь, указанный Спасителем и апостолами, и путь, выработанный монашеством, взаимно исключают друг друга. Восторжествовал последний, ибо «гениальные инженеры церковного звания поставили церковь вне действительной жизни своей паствы».

«Монашество, возвеличив безбрачное со-

стояние, расшатало семейное начало в самом основании». Как скоро идея солидарности членов христианской апостольской общины была заменена монашеским принципом «заботы каждого о себе», очистился простор для племенной розни, для национального различия в самой церкви. Последовало разделение церкви на восточную и западную, – разделение, поддерживаемое эгоизмом церковных властей. Самое «магометанство всего естественнее рассматривать как протест против злоупотребления монашескими доктринами, выразившегося в ненормальном устройстве социального быта христианских общин и беспорядков церковной иерархии». Церкви на Востоке погибли не по допущению Божию, а за прегрешения иерархии, – *от принципов, выработанных отшельниками.*

Монашество «бедным, взамен земных благ, обещает небесные радости», практику заменило теорией, дела прекрасными нравов учениями и красноречивыми проповедями.

Оно «сняло с эгоизма людского религиозную узду». «Церковь положила в свое основание деспотизм». Под влиянием монашеских

принципов, «смирения и послушания», рабство процвело в более суровой форме, чем в языческие времена и систематически проведено во все отправления организма, в общину и семью; так «брак был устроен на началах смирения и послушания или, что то же – признавалось право сильного».

Я опускаю страницы об инквизиции, средневековом варварстве и о различных злоупотреблениях иерархии, также и то место, где выражается мысль, что если в XIX веке папа и константинопольский патриарх по внушению якобы Св. Духа издали нелепые догматы и постановления, то почему же не предположить того же и о тех отдаленных временах, когда определялись догматы христианской религии и утверждались действующие и ныне канонические постановления.

Современное социальное брожение, говорят вы, есть протест против монашеских доктрин. «Прогресс» мало-помалу «рассеял туман». Идеалы гражданского благоустройства на началах, возвещенных миру Спасителем и апостолами, «остались запечатленными в умах и сердцах людей». «Не видя нигде прак-

тического применения этих идеалов, а только одни проповеди и добрые намерения, народы утратили веру в церковь, пришли в ярость и евангельскими же принципами (свобода, равенство, братство), как таранами, нанесли церкви беспощадные удары. Эти протесты выражаются в форме революционных стремлений, ересей, в научных работах, вносящих индифферентизм или безверие. Правительства, вслед за прогрессом, стали применять выдвинутые вперед прогрессом либеральные принципы (свобода, равенство, братство) к делу, приняли их себе за основу, но семья и община оставлены на прежней дороге, руководятся до сих пор монашескими началами, представляющими лишь замаскированное христианскими фразами рабство. Суровый деспотизм, усвоенный себе церковь за основу, проник в религиозный и социальный быт и остается в полной еще силе. Правительства преобразовать этот быт или семью и общину сами собою, без содействия церкви, не могут, оттого либеральные реформы правительств оказываются преждевременными; нет равновесия в механизме между частями: либераль-

но-правительственной и церковно-деспотической, объемлющей общину и семью. Выход один: полная реорганизация церкви на началах, возвещенных миру Спасителем». Так как внезапная реорганизация неудобноисполнима и грозит опасностью, то вы излагаете ряд проектируемых вами реформ, требующих немедленного введения.

Церковь должна приобрести возможность обсуждать и решать, согласно нуждам современного общества, вопросы существенно важные не в одной религиозной жизни, но и в *социальном быту*. Для этого ей следует иметь соответствующий орган, а ее центральное управление, «вместо теперешнего усмотрения, должно руководиться *положительным законом*»[1]. «Преобразования по учебной и воспитательной части». Главное же – реформы в семье и в общине. Для семьи указывается такая реформа: признание равноправности женщины и облегчение развода, не ограничивая его одним условием явного прелюбодеяния, для всех желающих. Право разводиться предоставить суду приходского священника с приходской общиной, в ее присут-

ствии, в церкви, при нотариусе и мировом суде для составления акта и решения вопроса об имущественных правах. Затем главная и капитальная реформа – это создание на новых началах приходской общины под руководством священника, придание самостоятельного значения во всех местных вопросах религиозно-социальных. При приходской общине непременно – школа, больница и сельская ссудосберегательная касса; во главе всего это священник с помощниками. Священник должен получать жалованья – minimum 1200 руб. и вообще быть поставлен в положение довольно независимое от епархиальной власти. Он находится под контролем церковной общины. *Он есть общественный деятель.* Но «для успеха дела, – говорите вы, – необходимо изменить систему *наград*». Кроме наград известных, по усмотрению духовного начальства, его должно награждать и правительство, ибо «служба пастырей труднее и важнее переписывания бумаг чиновниками». При определении пастыря на место, ему вручается «инструкция» с точным исчислением обязанностей и тех *«дел, за кои пастырь име-*

ет право *требовать* себе награды. За успешное устройство кассы – наперсный *крест*; за удовлетворительное устройство школы, больницы, богадельни – священник имеет право просить *себе орден*; за уменьшение преступлений и подъем благосостояния его трудом – *более высокая награда*» (стр. 47).

Дальнейшие подробности опускаю.

«Так как эти реформы, – заключаете вы свою статью, – не выгодны для высшего церковного клира, то он будет протестовать всеми силами. Одно правительство в состоянии сломить его сопротивление и дать всему механизму церковному и государственному надлежащую стройность и направление. При таком преобразовании семьи и общины, и вообще религиозно-социального быта на началах, возведенных Христом и апостолами, при таком практическом применении к жизни новой заповеди Христовой о любви к ближним, революции станут невозможны, по крайней мере потеряют всякую почву, на земле водворится мир, благоденствие, порядок – истинная церковь».

Кажется, я вполне верно передал главные

черты вашего труда. Я не защитник монашества, враг формализма и господства мертвящей буквы, всегда стоял и стою за свободу верующей совести – свободу слова, свободу науки – призываю всем сердцем обновление жизни духа в видимой, исторической церкви, всегда ратовал в своих изданиях за воссоздание у нас приходской самостоятельной общины, этой церковно-социальной единицы, – и при всем том и ваша точка отправления, и путь вашей мысли, и предлагаемые вами пути для выхода из современного положения мне кажутся – может быть я и обманываюсь – ошибочными. Мне представляется, что вы часто переходите грань, отделяющую истину от ее подобия, отчего происходит, так сказать, подтасовка идеалов, почти незаметная, однако ж идеалов совершенно противоположных, дающих совершенно противоположные результаты. Доказательством служит то, что восставая против монахов и церкви во имя Спасителя и апостолов, отправляясь, по-видимому, от образа преподанного апостолами в устройстве общины, вы кончаете тем, что проектируете общину, где апостолы превращаются в чинов-

ников с орденами на шее за практическое исполнение заповеди Христовой о любви, – той заповеди, в отречении от которой вы обвиняете св. отцов и учителей церкви и вселенские соборы!

Признаюсь вам, что меня пуще всего поражает в мыслях и мечтаниях большей части церковных критиков и реформаторов, – это ограниченность мировой задачи христианства в их представлении. То взваливают на христианство ответственность за то, что оно в течение почти двух тысяч лет не водворило на земле благополучия, и потому считают его уже отжившим историческим фактором; то воображают, что стоит только произвести несколько реформ – и воцарится в свете мир и благоденствие, а человечеству останется только жить да поживать. Вспомните слова Христа: «Подобно царство Божие квасу» и пр. Новый Завет – это те дрожжи, на которых Христос заквасил всю историческую судьбу человечества до скончания мира, – дондеже перебродит и вскиснет. Вся пучина человеческого духа, во всем его беспредельном разнообразии, с его святыней и со всеми его «сата-

ниными глубинами» должна, в последовательном историческом ходе жизни человечества, воплотиться в беспредельном разнообразии явлений, вся исчерпаться до дна и вся пройти чрез эти дрожжи, перебродить в этом квасе, – пока, как выражается апостол Павел, *придет в меру возраста исполнения Христа.*

Задача или идеал христианства вовсе не *благоденствие земное* – такого обетования и не было, а *совершенство*: «будьте совершенны яко Отец ваш небесный совершен есть». Идеал на земле недостижимый, но в достижении которого, то есть в стремлении к его достижению – весь смысл или, как любят нынче выражаться, весь мотив земного бытия. Ищите не земного благополучия, *ищите прежде всего царствия Божия и правды его, а остальное приложится.* Каких бы ни измышляли пружин для человеческого счастья мечтатели и философы, начиная с Платона и кончая социалистами, – какое же внешнее материальное благополучие там, где царствует болезнь, смерть – холеры, дифтериты, свирепствующие пуще царя Ирода, избивавшего младенцев?

Ищите прежде всего царствия Божия. Царствие же Божие *не от мира сего*. Не от мира сего и в то же время *внутри нас*. Царствие Божие не может явиться во образе мира сего, ни воплотиться мировым бытием человечества, но может водвориться во внутреннем мире души человеческой. Другими словами: подвиг совершенствования, внутреннего освящения, душеспасения *открыт лично* каждому, независимо ни от каких внешних условий, во все века, всюду, рабу и свободному, ученому и невежде, умному и нищему умом, бедному и имущему. В то же время, параллельно с этою открытою каждому *лично* возможностью совершенствования и спасения, совершается воздействие христианской истины на историческую судьбу и бытовое развитие всего человечества, медленный процесс брожения, перерождения, переобразования на дрожжах, брошенных в мир Христом. Благодать Божия творит такое равенство, до которого пресловутый «прогресс» в самых дерзких своих усилиях не мог достигнуть даже мечтою: личное равенство всех верующих и исполняющих заповедь Христову – от первого

до последнего века при неравенстве исторических условий общественного бытия, с его прогрессом и цивилизацией. Таким образом – христианство проявляется на земле двумя путями; эти пути: личный, *индивидуальный* и *общемировой, исторический*. Каждый отдельный человек – дух бесконечный и в то же время, в своем конечном бытии на земле, подлечит закону места и времени, другими словами, принадлежит в одно и то же время – и вечности, и своему веку, и вселенной, и своему месту и племени. Это известная до пошлости истина, но ее всегда выпускают из виду при суждении, например, об отцах и учителях церкви. Нельзя, например, ставить в вину Василию Великому, хотя он по справедливости почитается святым, его ошибочных научных мнений в области космографии в его «Шестоднев». Не напрасно, а провиденциально указывается нам в Св. Писании даже на временную ошибочность суждений апостола Петра об обрезании. Вспомним слова Христа: «Не можете носить ныне всей полноты истины, потому говорю вам притчами, но придет время», и пр.

Всякому всегда, во все времена дана возможность настолько носить, насколько нужно для личного спасения, – и в этом благодать равенства, – но затем свет Христов продолжает все более и более освещать дебри человеческого сознания и расширять силу ношения. Возьмите младенца, юношу, мужа, – вы без спора признаете здесь постепенное развитие способности ношения, по мере возраста. Не то же ли самое и при историческом возрасте целых народов, всего человечества? Церковь, сопутствуя человечеству в его истории, не могла не помнить, как это мы и видим в ее духовном руководстве народными массами, слов Христа: «Не можете пока ныне носить», не принимать в соображение возраста народных масс. Мало того: во всем, что не касается существа истины, откровенной Христом и которую церковь хранит свято, нерушимо, непогрешимо, – церковь, насколько она связана с самой историей человечества, не могла в своем земном, внешнем бытии, в вопросах, касающихся дисциплины, управления, внешнего строя, не отразить в своих уставах и службах связь с местом и временем. Тут нет ничего

удивительного, ничего, посягающего на значение христианства и принцип самой церкви. Ни один вселенский и поместный собор, кроме установления догматов, никогда не имел притязаний создавать дисциплинарные и т. п. уставы на веки вечные, для всех племен и народов. Церковь без соборов немыслима, и все горе в том, что уже 1000 лет она не имела собора, – в чем виноваты грехи людские, чего причины подлежат особому исследованию. Без всякого сомнения, рано или поздно – последует обновление этих уставов, сообразно с нуждами времени и с ростом человеческого сознания. Но внутреннее бытие церкви не прекращается и поныне, Евангелие проповедуется, тайная вечеря совершается, и путь к личному совершенствованию и спасению открыт каждому невозбранно.

Ибо проповедь Христа и апостолов, на которых вы так часто ссылаетесь, обращена была не к народам, не к государствам, не к обществам, а к душе человеческой, к индивидууму. Христос не касался задач *социального бытия* и *общественного устройства*, заботу о которых вы возлагаете на церковь, указывая на

пример Христа и апостолов. На предложение разделить наследство между двумя братьями, он отвечал отказом. «Кто мя поставил судьею в делах этого рода»? Весь социальный вопрос исчерпывается им в заповеди «Возлюби ближнего», «да любите друг друга», «будьте едино». Эта любовь нераздельна от любви к Богу; вообще любовь, так сказать, есть *плоть самой веры*. Вера без дел мертва, это несомненно. Но и дела без любви также мертвы и не пользуют душе даже облагодворяемого человека. Вопрос в том, что такое *дело*! Вы упрекаете церковь в том, что она оставила *практическое* исполнение заповеди Христа о любви, отрицает ближних, только проповедует, а не делает дела, не устраивает социального быта и пр. Но разве посеять словом в сердца прихожан семя любви не есть уже дело, ибо посеянное семя само принесет практический плод? Разве учительство не есть деятельность? Мало того: не только учитель церковный, но всякий поэт, писатель, художник, благотворно действующий на человеческую душу и возвышающий ее, разве не есть благодетель, *практический благодетель* челове-

ства, хотя бы он и не занимался социально-благотворительными делами? Всякое слово, воспитывающее и согревающее душу ближнего, стоит сотни ваших сберегательных касс. Пользы их я не отрицаю, желаю их повсеместного введения, но вот Лассаль завел эти кассы в Германии между рабочими и вытравил вместе с тем религиозное чувство: что же вышло?

Странно, по моему мнению, называть Христа и апостолов «практическими деятелями-благотворителями», как вы это делаете, причем указывали их добрые дела: исцеление больных, утоление голода, самопожертвование. Эти добрые дела (кроме чудесных) творили добрые люди и Ветхого Завета, и самаряне и язычники, – и нет такого человеческого заблуждения, которое бы не имело своих мучеников.

Разве в этих «практических делах» сила, преобразившая мир? Величайшее благотворение – неосязаемое, невесомое слово, ими изглаголанное. Никакого практического благополучия они не обещали, никаких практических залогов не давали. Что может быть

непрактичнее *веры*, с точки зрения практика, и всех обетовании о загробной жизни? «Прекрасная теория, – употреблю я ваше выражение, – слова и слова, а дел никаких!». Хоть вы и говорите, что догматы христианские были непонятны язычникам, как и современным христианам, и потому успехи христианства объясняете тем, будто каждый смекал, что оно вносит начала лучшего устройства *социального быта*, – но таким утилитарным соображением трудно объясняются эти успехи. Плохое практическое утешение для раба, что ему проповедают повиновение, оставляют рабом в земной жизни, суля равноправность только за гробом, а здесь, на земле, еще мученичество за исповедание Христа сыном Божиим!

Не могу удержаться, чтоб не напомнить вам евангельского сказания о жене, излившей драгоценное миро на ноги Спасителя и отершей их своими волосами. Иуда осудил ее и выразил мнение вполне, по-видимому, *основательное, практическое*, которое выразили бы и все мудрецы века сего, – что полезнее было бы продать это миро и выручку ока-

зять пособие множеству нищих. Но Господь не одобрил узкого взгляда практика Иуды. Он в лице этой жены признал и освятил *свободу действия любви* и простил ей грехи за то, что она *возлюбила много*, а ведь эта любовь вовсе не имела того *практического* выражения, того применения к жизни, которое вы ставите выше всего. Вспомните еще сказание о Марии, избравшей благую часть и отказавшейся помогать сестре Марфе в ее хлопотах по хозяйству, и вспомните ваше жестокое слово осуждения людям, которые вследствие даже *искренного* влечения оставляют семью и уходят в пустыню или монастырь! Не стесняйтесь же свободу человеческого духа в искренних проявлениях любви и веры, в меру личного разумения каждого, – не ограничивайте его узкою внешнею практическою меркой, не забывайте, что христианство, что слово Божие, возвещенное Христом, не какая-либо социальная доктрина, пересоздающая мир *независимо от личной воли человека*, а сила, действующая в истории человечества – именно *через каждого человека в отдельности*, воспитывая в каждом историческом человеке, то

есть принадлежащем месту и своему веку, – *внутреннего человека*. Поэтому – прямая задача церкви вовсе не есть задача практического социального переустройства в данную минуту и, так сказать, практическое общественное воплощение на земле в конечных явлениях абсолютной, бесконечной истины. Такое воплощение возможно лишь тогда, когда бы *все люди стали святыми*. Но в этом-то весь ключ задачи; потому и призвание церкви, во-первых, сохранить для человечества переданное ей слово Божие – во всей его целостности и неприкосновенности, во-вторых, *воспитание внутреннего человека* к святости в духе заповеди веры в Бога и любви к ближним. Требование, чтоб служители алтаря обратились непременно в *общественных деятелей-практиков* мне кажется совершенно неуместным. Пусть будет и деятелем-практиком, если иметь к тому призвание: но первая и главная миссия служителя алтаря *пасты души*, учить, проповедовать, воспитывать. Тем менее уместно обращать служителя алтаря в чиновника, соблазняемого на благотворительную деятельность приманками тщеславия, орденами и

т. п. «Не знаете вы – вспомните слова Христа: „какого вы духа есте“?»?

Вы постоянно указываете на пример апостолов, на общины, ими создаваемые, где будто бы решались дела общественного благоустройства, и все резкое отличие первых трех веков христианства от последующих объясняете исключительно возникновением и торжеством монашеского принципа. Не стану входить подробно в рассмотрение апостольской деятельности и церковных общин в течение первых трех веков. В нашем представлении о них много идеализации: вспомним хоть грозные слова апокалипсиса Иоаннова, обращенные к ангелам тех церквей, которые были уже учреждены к концу I века. «Ангелу такой-то церкви скажи, имам тя изблевати» и пр. Но все же несомненно – эти общины христиан горели иным духом, чем в последующие времена. Противоположность язычества с христианством была слишком ярка, – вера Христова была сознаваемым приобретением, а не достоянием, получаемым помимо воли и сознания человека, – переход от тьмы к свету был так резок, что воспламенял сердца. Это

было утро восходящего солнца, или первые мгновения утра, возбуждающие радостный трепет в душе человеческой: за утром настает рабочий, трудовой день, – требуется развитие и приложение *всей рабочей силы* для человека. Апостольские и вообще церковные общины в первые три века были *оазисами* в языческом государстве. Вся забота о внешней безопасности, о правильном и точном ходе государственного механизма, весь этот *odium* государственного бытия лежал всею своею тяжестью не на христианских общинах, а на языческом мире. Члены христианской общины не шли на суд между собою к *внешним*, – представляли какую-то свою замкнутую автономию. С воцарением же христиан на троне Кесарей, общины естественно разомкнулись: не от кого было ограждаться. Приходилось слиться со всем обществом бывших язычников, – христианам пришлось понести на раменах своих бремя государственного существования. Государство – это царство от мира сего, с мечом и кровью, с политикой, войнами, тайной полицией и *внешнею*, буквенного, формальною правдою. Идеал христианства –

царство не от мира сего. Нужно было установить *modus vivendi* между церковью и государством, – а это такая задача, которую даже теоретически разрешить не могло человечество и до сих пор. То церковь сама становилась государством, то государство признавало церковь как одну из функций своего организма.

Повторяю вам опять: надо постоянно помнить, что каждый человек принадлежит и вечности, и в то же время и своему веку; что рядом с путем личного духовного освящения и спасения, открытым каждому человеку отдельно, совершается мировой процесс брожения и перерождения мира на дрожжах, брошенных в мир Христом. Благодать Божия открыла нам всем возможность освободиться от рабства месту и времени, упразднить зависимость нашего духа от племенной ограниченности, от данной исторической поры, но только лично каждому в сфере отношений нашей души к Богу, даже не в сфере мысли, логического разумения и знания. Вне отношений личных к Богу, человек всеми своими сторонами духа находится в зависимости от

условий конечного своего бытия.

Точно также и церковь, взятая и понимаемая со стороны, обращенной к истории человечества. Рядом с этою историческою церковью, в ней же самой, пребывает, *не опознаваемая внешними признаками*, но сама о себе, как истина свидетельствующая, вечная церковь Христова, сохраняющая для мира, для всех веков и народов, и возносящая над ним идеал христианский во всей его чистоте и неумолимой строгости. Это главная миссия церкви: хранение догмы и проповедь Евангелия, призыв индивидуумов к подвигу личного совершенствования и спасения. С этой точки зрения – благо тем осмеянными вами авторитетами, которые поставили ее, по вашим словам, вне действительной жизни. Но церковь историческая, напротив – не стояла вне действительной жизни, и упрек, которого она заслуживает, разве в том, что она слишком смешалась с действительною жизнью и вздумала регулировать ее внешним образом, буквою своих канонов. С этой стороны она отразила в себе влияние времени, места, национальности, возраста духовного и умственного

народов, их религиозных потребностей: тут вам объяснение и монашества, и инквизиции, средневекового варварства и пр., и пр.

Вспомните еще: церкви пришлось считаться не только с государством, которого существо языческое, и иным и быть не может, но и с народными массами, которых не знавали апостольские общины. Народные *массы* – все равно что крещеные *младенцы*. Не выгонят же эти массы из ограды церковной, – а они не могут носить более, чем младенцы. Единство обрядов, постов и пр. содержит их в союзе духовного братства, – дондеже наступит возраст сознания. «Все мне можно, но не все на пользу, – говорит Павел, – я свободен, но если мясная пища соблазняет моего брата, не имам ясти мяса вовеки!» Вот вам практическое выражение высокой любви к ближнему.

Все это обыкновенно упускают из виду исторические критики, сравнивая времена апостольские с последующими веками.

Аскетизм есть прирожденная человеческому духу потребность – освободить дух от рабства телу. Без сомнения, он ложен, когда пере-

ходит в гордость духа и в презрение к телу или признает себя *единственным* путем спасения. Но никогда никакими соборными уставами церковь не выражала такого мнения. Даже на Западе celibat установлен для служителей церкви не как условие спасения, а как такое состояние, при котором человек удобнее может отдаться весь своему служению. Стремление к созданию монастырских общин понятно с прекращением апостольских замкнутых общин. В апостольской общине члены состояли *вне* остального языческого мира. Когда общины разомкнулись и слились с миром полухристианским, полужыческим, – потребность замкнутости ухода из мира выразилась в учреждении монастырей. Это явление временное – и уже пережившее или переживающее себя. Главное зло здесь, как и в большей части явлений, с церковью связанных, – это вмешательство государственного закона, который возвел, например у нас, монахов в сословие, преследует за нарушение обета и проч., и проч.

Не церковь, не церковную иерархию и пр. должны мы винить в том, что мораль христи-

ан, как вы выражаетесь, стоит так низко и что идеал христианский так далек от осуществления, – а себя самих и греховность человеческую. Всего труднее для людей *дар свободы*, всего мудренее удержаться *в свободе*, и человек хватается за букву, за правила, как за перила, и становится сам, добровольно, рабом буквы. Сочинители разных социальных доктрин и ожесточенные критики христианства забывают, что христианство прежде всего требует *личного* совершенствования, *личной* святости. Мораль христианская так неумолимо чиста, идеал христианский так безусловно высок, что малейшее уклонение от него, малейшая ему измена, отражается в деле, как самый малый квас квасит всю жидкость. Милость Божия может спасти грешников, но не упраздняет последствий греха. Пуще всего надобно беречься в наше время *подобия* истины, без духа самой истины. Апостол Иоанн определяет антихриста именно как лжеподобие Христа. Такое лжеподобие преподносится теперь миру современным *прогрессом* и разными гуманными и либеральными теориями.

Положение современной России тяжело и мрачно. *Сочинить* выход из него, посредством нескольких реформ, невозможно. Реформы нужны и в социальном устройстве, и в политическом, и в области церковной, – станем работать мыслью над ними, – но независимо от общих реформ предстоит каждому подвиг личный, собственного совершенствования и воспитания ближайших ближних в духе Христовом. В какие бы печальные условия ни был поставлен, например, священник, – поприще предстоит ему обширное, если только горит в нем священное пламя. Главное – да не соблазнимся практической пользой, и не отречемся, в наших заботах об общей пользе, от требований высших нравственных начал.

Я вполне разделяю мнение о необходимости придать жизнь и силу церковной приходской общине, – и полагаю, что можно было бы вам заняться разработкою этого вопроса, во-первых, без всего этого исторического и, как мне кажется, не вполне верного изложения; во-вторых, в духе заповеди Христовой о любви к ближним, то есть без издевательства,

глумления и брани, направленных на церковь последних 15 веков; в-третьих, без противоречия высшим нравственным требованиям евангельским, – на почве веры, – главное – *не угашая духа*. «Духа не угашайте» – вот слово, которое должны помнить все реформаторы церковные; не подменивайте же закон истины внутренней, нравственной, законом внешней, юридической правды (а вы требуете в области церкви всякое даже архипастырское *усмотрение* заменить положительным законом); не обольщайтесь наружною практическою пользою, строго блюдите, чтоб она не служила в ущерб тому, что одно на потребу, в чем одном сила жизни и спасение.

Что же касается до вопроса о разводах, то он может быть решен только собором всего православного христианства. Церковь не может ничего уступить из преподанного ей идеала чистоты и нравственности; она не может, не должна ничего возбранять силою, но не может освящать своим благословением прямо нарушение заповеди.

Итак, многоуважаемый NN, примите благодушно мое маранье и отнесите к нему,

как к доказательству моего искреннего к вам уважения и серьезного отношения к вашему труду. Написал семь листов, но большая часть вопросов осталась недоговоренной, и, вероятно, многое приведет вас в недоумение. Не подумайте, что я вздумал учить вас. Я сам учил, наставлял и проверял себя – читая вашу статью, и, излагая свои мнения и замечания, писал столько же для себя, как и для вас.

# Примечания

Уничтожение епископского самовластия и монашеского господства в управлении.

[^^^]